

Научная статья
УДК 343.221.51
DOI: 10.37973/KUI.2023.70.94.016

**«ДЕКЛАРАТИВНАЯ» ВИНА
И ФАКТИЧЕСКОЕ ОБЪЕКТИВНОЕ ВМЕНЕНИЕ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Ляйля Елюхановна Панаева,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия,
layla-56@mail.ru

Аннотация

Введение: автор статьи затрагивает проблему введения института уголовной ответственности юридических лиц на уровне национального уголовного закона с учетом влияния на данный процесс принципа вины, закрепленного в статье 5 Уголовного кодекса Российской Федерации. Оценка перспектив формирования обозначенной концепции осуществлена в системной связи со сферой административного регулирования, где вина как необходимый признак состава правонарушения подлежит установлению без исключения и в отношении юридического лица.

Материалы и методы: в ходе исследования применены общенаучные методы анализа, синтеза, индукции. Из частнонаучных методов использованы формально-юридический, сравнительно-правовой. Материальную базу составили действующие нормативные правовые акты, в т.ч. международные, актуальная судебная практика национальных судов, научные работы в исследуемой области.

Результаты исследования: установлено, что фактически объективное вменение имеет место не только в правоприменительной практике, но и в законодательных изменениях, несмотря на существование принципа виновной ответственности. Указанное подтверждает наличие предпосылок для введения института уголовной ответственности юридических лиц, однако наряду с теоретической обоснованностью требуется правильная законодательная конструкция с учетом опыта предшествующих инициатив, не нашедших до настоящего времени поддержки со стороны законодательного органа.

Обсуждение и заключение: обосновывается необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц, что ставит под сомнение ключевой довод противников данной идеи о неизбежности принципа вины. Федеральному законодателю предложено разработать соответствующий проект закона с проработкой нормативных критериев установления вины юридических лиц, не исключая учета поведения лиц, уполномоченных действовать от имени и в интересах организации.

© Панаева Л.Е., 2023

Ключевые слова: принцип вины; уголовная ответственность юридических лиц; объективное вменение; общественная опасность деяния; субъект правонарушения

Для цитирования: Панаева Л.Е. «Декларативная» вина и фактическое объективное вменение: перспективы введения института уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 3 (53). С. 134 – 141. DOI: 10.37973/KUI.2023.70.94.016

Scientific article
UDC 343.221.51
DOI: 10.37973/KUI.2023.70.94.016

"DECLARATIVE" GUILT AND ACTUAL OBJECTIVE IMPUTATION: PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES

Lyaylya Yeluhanovna Panaeva,
South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia,
layla-56@mail.ru

Abstract

Introduction: the author touches upon the criminalization of the criminal liability of legal entities in the national criminal law, taking into account the influence on this process of the principle of guilt, enshrined in Article 5 of the Criminal Code of the Russian Federation. The assessment of the prospects for the formation of the designated concept was carried out in a systematic connection with administrative regulation, where guilt as a necessary sign of the composition of the offense is subject to establishment without exception and in relation to a legal entity.

Materials and Methods: both general scientific methods of analysis, synthesis, induction and specific scientific methods, legal, comparative-legal were used in the course of the study. regulatory acts, including international ones, current judicial practice of national courts, scientific works were the basis for the study.

Results: it has been established that de facto objective imputation takes place not only in law enforcement practice, but also in legislative change, despite the principle of fault liability. This confirms prerequisites for the introduction of criminal liability of legal entities, however, along with theoretical validity, a correct legislative structure is required, taking into account the experience of previous initiatives that have not found support from the legislative body to date.

Discussion and Conclusions: the author justifies the need to introduce criminal liability of legal persons, which casts doubt on the key argument of the opponents of this idea of the inviolability of the principle of guilt. It is proposed to the federal legislator to develop an appropriate draft law with elaboration of regulatory criteria for establishing the guilt of legal entities without excluding consideration of the behavior of persons authorized to act on behalf of and in the interests of the organization.

Keywords: the principle of guilt; criminal liability of legal entities; objective imputation; public danger of the act; the subject of the offense

© Panaeva L.E., 2023

For citations: Panaeva L.E. "Declarative" Guilt and Actual Objective Imputation: Prospects for the Introduction of the Institution of Criminal Liability of Legal Entities. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(3):134 – 141. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.70.94.016

Введение

Исследование перспектив введения института уголовной ответственности юридических лиц требует оценки с позиции провозглашенных на национальном уровне принципов уголовного права. Уголовное законодательство Российской Федерации содержит «несокрушимое» правило запрета объективного вменения, действие которого не допускает признания юридического лица в качестве субъекта преступления. Между тем анализ дискуссий в юридической науке свидетельствует, что объективное вменение имеет место в правоприменительной практике.

Обзор литературы

Научный интерес к проблеме уголовной ответственности юридических лиц приобретает все более широкие масштабы, о чем свидетель-

ствуют труды А.С. Никифорова, Б.В. Волженкина, С.Г. Келиной, Р.И. Михеева, А.Г. Корчагина, А.С. Шевченко, А.В. Наумова, В.П. Кашепова, В.В. Качалова. В свою очередь, исследование собственно вопроса субъективной стороны с позиции юридического лица как потенциального субъекта преступления отражено в работах В.В. Лунеева, Р.Р. Галиакбарова, М.В. Бавсуна, А.А. Комоско, Д.Н. Захарова, Н.Е. Крыловой, С.Г. Демина, Р.В. Минина, Н.А. Морозовой, И.В. Башлаков-Николаева.

По итогам анализа исследований следует отметить, что «декларативность» принципа виновной ответственности и фактически существование объективного вменения некоторые ученые связывают с достижением цели наказания, указывая, что объективное вменение фактически сохра-

няется в уголовном праве и выполняет функцию восстановления социальной справедливости при привлечении к уголовной ответственности за неосторожные преступления [1].

Другие авторы обосновывают фактическое применение объективного вменения действием принципа целесообразности, поскольку абсолютность принципа виновной ответственности перестает отвечать социальным реалиям, не позволяя разрешить все вопросы уголовно-правового характера [2, с. 12-13, 3].

В целом актуальность проблемы «декларативности» вины юридического лица, нашедшей свое отражение в практической деятельности, обусловлена оценочным презюмированием некоторых волевых и интеллектуальных моментов [3], что выражается как при совершении неосторожных преступлений (например, автотранспортных), так и при совершении преступлений с двойной формой вины, в т.ч. умышленных преступлений [4].

В целях преодоления ситуации «практика в поиске теории», что для уголовного права недопустимо, формирование концепции уголовной ответственности юридических лиц должно происходить в системной связи с иными отраслями права, где ответственность юридического лица регламентирована с учетом специфики субъективной стороны.

В связи с этим научный интерес представляет сфера административного регулирования, где вина выступает необходимым признаком субъективной стороны состава правонарушения, наличие которой подлежит установлению без исключения и в отношении юридического лица.

Материалы и методы

Материалы исследования образуют совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения с участием юридического лица как субъекта правонарушения, включая судебную практику Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), судов общей юрисдикции РФ, Европейского суда по правам человека, научные статьи и исследования по рассматриваемой проблематике.

Основу исследования составили общенаучные методы анализа, синтеза, индукции. Среди

собственно юридических методов применены формально-юридический (догматический) метод, сравнительно-правовой.

Основное место занимают методы сравнения и системного анализа, с помощью которых проанализированы сходства и различия в конструкции составов преступления и административного правонарушения. Указанное выступает основой для последующего прогнозирования перспектив признания юридического лица субъектом преступления с учетом особенностей установления вины и ее форм в условиях фактического существования объективного вменения и постоянно изменяющихся общественных отношений.

Результаты исследования

По общему правилу юридическое лицо как субъект административного правонарушения признается виновным в его совершении, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (часть 2 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, далее – КоАП РФ)¹.

В настоящее время в этой области правоотношений остро стоит вопрос, касающийся дифференциации неосторожной и умышленной формы вины в совершении организацией административного правонарушения. Ранее достаточно было установить только наличие общих признаков для привлечения юридического лица как субъекта правонарушения, предусмотренных частью 2 статьи 2.1 КоАП РФ, при этом положения статьи 2.2 КоАП РФ, касающиеся форм вины, не применялись².

На данном этапе правового развития в вопросе установления умысла или неосторожности действует иная модель, которая находит свое отражение в решениях КС РФ. Так, КС РФ, определяя, что виновность юридического лица охватывает собой случаи, когда несоблюдение правил и норм является следствием совершенных как умышленно, так и по неосторожности действий (бездействия) его должностных лиц (работников), выражает явную позицию, что в вопросе определения формы вины организации подлежат учету обстоя-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. 2001. 31 декабря.

² 1. Административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично.

2. Административное правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение таких последствий либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть.

тельства, характеризующие форму вины соответствующих физических лиц как непосредственно действующих от ее имени¹. Таким образом, признается, что действия юридического лица всегда производны от действий лиц физических, однако тут же оговаривается, что наличие связи между привлечением к административной ответственности юридического лица и виновными действиями (бездействием) физического лица в своем правовом измерении не тождественны им. Указанное свидетельствует о попытках сохранить непоколебимость принципа виновной ответственности в условиях необходимости признания юридического лица субъектом административного правонарушения.

Отметим, что некоторые судьи КС РФ придерживаются иных взглядов. Так, рассматривая вопрос виновности юридического лица в рамках КоАП РФ, судья С.Д. Князев согласился с тем, что она является следствием виновности его должностных лиц (работников), между тем в особом мнении указал, что привлечение юридического лица к ответственности за совершение административного правонарушения возможно только в случае наличия непосредственно его вины безотносительно к решению вопроса о виновности имеющих право действовать от его имени должностных лиц (работников). По мнению представителя высшей судебной власти, дифференциация неосторожной и умышленной формы вины к юридическим лицам неприменима². Однако правовая реальность такова, что позиция судьи не совпадает с волей законодателя, учитывая наличие актуальных составов в КоАП РФ, устанавливающих различную ответственность в зависимости от формы вины (статьи 11.15.1, 11.15.2, 19.7.9 КоАП РФ).

В судебной практике этот вопрос преодолевается в результате ориентации на формальное (буквальное) понимание и автономное (догматическое) правоприменение. Например, применительно к статье 11.15.1 КоАП РФ тенденция такова, что совершение правонарушения именно в форме умысла судами не обосновывается или мотивируется преимущественно тем, что ранее лица либо уже привлекались к административной ответственности за нарушение указанных правил либо допустили их грубое нарушение, соответственно, настоящее нарушение с их стороны не может быть никаким другим, кроме как умышленным³. Указанное характеризует применение поведенческого (объективного) алгоритма⁴, когда оценке подлежит поведение юридического лица, которое при наличии у него соответствующих возможностей должно предпринять все зависящие от него меры по соблюдению тех или иных правил (норм), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, что фактически не предполагает учета каких-либо психологических (субъективных) нюансов и, хотя формально не противоречит части 2 статьи 2.1 КоАП РФ, является недостаточным для подтверждения признаков состава правонарушения с умышленной формой вины.

ВС РФ, реагируя на данные обстоятельства и отменяя подобные решения нижестоящих инстанций, направляет дела на новое рассмотрение с требованием обоснования, почему вменяемое обществу правонарушение было квалифицировано как совершенное умышленно, и с указанием того, что умысел может быть установлен исходя из оценки характера и обстоятельств действий (бездействия), нарушивших соответствующие требования, характера самих требований (значимости),

¹ По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1, части 1 статьи 2.2, части 3 статьи 11.15.1 и пункта 5 части 1 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 12.2 Федерального закона «О транспортной безопасности», подпунктов 36, 37, 39, 45 пункта 5 и подпунктов 1, 2, 8 пункта 7 требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта, в связи с жалобой акционерного общества «Пассажирский Порт Санкт-Петербург «Морской фасад»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.04.2020 № 17-П // Российская газета. 2020. 27 апреля.

По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Востокфлот»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.07.2021 № 39-П // Российская газета. 2021. 30 июля.

² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации С.Д. Князева к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 14.04.2020 № 17-П // Российская газета. 2020. 27 апреля.

³ Постановление Санкт-Петербургского городского суда от 27.11.2018 № 4а-1574/2018 по делу № 5-131/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aAx4WCf8JuQG/> (дата обращения: 13.02.2023).

Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 30.07.2021 № 78-АД21-2 данное постановление отменено, дело передано на новое рассмотрение // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/vsrfdoc/k7Tuxclu2loJ/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=№78-АД21-2+&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_id=1682596387600 (дата обращения: 13.02.2023).

Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.12.2021 № 16-8889/2021. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.01.2023).

⁴ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.11.2021 № 16-7367/2021. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.01.2023).

характера последствий (реальность угрозы наступления последствий), действий юридического лица по их предотвращению, устранению непосредственно в момент их возникновения¹. При этом существенным, по мнению суда, в вопросе установления конкретной формы вины является выявление обстоятельств, свидетельствующих об очевидности для должностных лиц (работников) организации, ответственных за исполнение требований, противоправности их действий и о возникновении в связи с этим реальной угрозы наступления негативных последствий².

Данный подход позволяет «преодолеть трудности» в соблюдении принципа вины в отношении лица, природа которого имеет несовместимое с его качественными характеристиками свойство признаваться субъектом ответственности в его традиционном виде, т.е. способным что-либо «осознавать», «предвидеть», «желать», «сознательно допускать» и (или) на что-либо «самонадеянно рассчитывать».

Так или иначе, усмотрение признаков субъективной стороны состава правонарушения организации сводится к оценке действий (бездействия) физического лица, в то время как субъектом административного правонарушения является и физическое, и юридическое лицо (часть 1 статьи 2.1 КоАП РФ). Соответственно, признание того, что правонарушение всегда совершается физическими лицами, противоречит дефиниции административного правонарушения, совершенного юридическим лицом (часть 2 статьи 2.1 КоАП РФ), однако не препятствует его существованию и действию в рамках КоАП РФ, что в очередной раз указывает на «декларативность» принципа виновной ответственности и фактически подтверждает существование объективного вменения [5, 6].

Актуальность затронутой проблемы находит свое отражение не только в правоприменительной практике, но и в законодательных изменениях, что в своей совокупности последовательно указывает на создание предпосылок для введения

института уголовной ответственности юридических лиц.

Одним из последних проявлений стали изменения, вызванные массовыми нарушениями в период новой коронавирусной инфекции. В целях пресечения и предупреждения новых преступлений законодателем принят ряд законов, направленных на исполнение инициатив Президента России по поддержке граждан и экономики страны в условиях распространения новой коронавирусной инфекции, в том числе были внесены изменения в КоАП РФ, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ)³. Так, обновлена редакция статья 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил», дополнена статья 238¹ УК РФ «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок»⁴ и введены новые нормы об ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации⁵.

В результате криминализация ряда деяний и введение поправок в уголовный закон привели к ситуации, когда при квалификации события у правоприменителя появилась альтернатива между уголовным составом и составом административного правонарушения. В ходе анализа данных изменений научный интерес вызвал подход законодателя к построению конструкции новых составов преступления при действующих составах в КоАП РФ.

Так, в КоАП РФ закреплена ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, повлекшее причинение вреда здоровью человека или смерть человека (часть 3 статьи 6.3)⁶. Поправками введена также конкурирующая с последней норма, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть человека, в части 2 статьи 236 УК РФ. Естественно, указанное привело

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 30.07.2021 № 78-АД21-2. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2023).

² Решение Московского городского суда от 15.02.2022 по делу № 7-2223/2022. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2023).

³ ГД приняла пакет законов, направленных на исполнение инициатив Президента по поддержке граждан и экономики страны в условиях распространения коронавирусной инфекции. URL: <http://duma.gov.ru/news/48191/>, свободный (дата обращения: 15.02.2023).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. 1996. 18 июня; 1996. 19 июня; 1996. 20 июня; 1996. 25 июня.

⁵ Статья 207¹ УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан».

Статья 207² УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия».

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. 2001. 31 декабря.

к вопросам, возникшим в правоприменительной практике: как следует разграничивать уголовную ответственность по части 2 статьи 236 УК РФ и административную ответственность по части 3 статьи 6.3 КоАП РФ, т.к. конкуренция норм имеет место в случае наступления последствий в виде смерти человека.

В связи с этим Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (далее – Президиум ВС РФ) были опубликованы обзоры по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) №1-3¹.

Так, исходя из анализа, следует, что административная ответственность по части 3 статьи 6.3 КоАП РФ наступает лишь в тех случаях, когда действия (бездействие) правонарушителя не содержат уголовно наказуемого деяния². При этом Президиум ВС РФ делает акцент на субъекте правонарушения, указывая, что ключевым является вопрос о том, кем оно совершено, а именно: за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в случае наступления последствий в виде смерти человека действия (бездействие) виновного будут квалифицированы по части 2 статьи 236 УК РФ и данный вид ответственности относится к физическому лицу. В свою очередь, усмотрение признаков состава правонарушения в деятельности юридического лица влечет наступление административной ответственности.

Аналогичная ситуация имеет место при введении ответственности в случаях распростране-

ния в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений, признаки составов которых закреплены в статьях 207¹, 207² УК РФ³ и КоАП РФ в статье 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации». Критерием разграничения здесь также выступает субъект правонарушения. При этом в отношении физических лиц введена уголовная ответственность, в том числе и для должностных лиц организаций, в то время как статья 13.15 КоАП РФ в частях 10.1 и 10.2⁴ закрепляет в качестве субъекта правонарушения исключительно юридическое лицо.

Необходимо отметить, что мерилom разграничения преступления и административного правонарушения выступает общественная опасность; применительно к рассматриваемым составам действующее законодательство проводит разграничение по субъекту правонарушения, определяя, что при посягательстве на один и тот же объект правовой охраны при совершении деяния физическим лицом ценность объекта повышается в сравнении с совершением аналогичного деяния юридическим лицом, поведение которого подлежит регулированию в пределах КоАП РФ, а не уголовного закона.

Подобный подход к конструированию составов порождает такой вывод, что в результате деяния, совершаемого физическим лицом, причиняется большей степени вред охраняемым общественным отношениям, чем от деятельности юридического лица.

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) №1 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 5.

Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) №3 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17.02.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 4.

² Вопрос 15 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 6.

³ Статья 207¹ УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан».

Статья 207² УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия».

⁴ Часть 10.1 статьи 13.15 КоАП РФ «Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств».

Часть 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ «Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, повлекшее смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности, прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи».

Принимая во внимание, что общественная опасность – категория объективная, усмотрение в действиях (бездействии) физического лица совокупности признаков противоправного деяния составом преступления, в свою очередь, не допускает отступлений в отношении тождественного правонарушения, совершенного юридическим лицом. Очевидно, что деяние, где субъектом правонарушения выступает организация, не обладает меньшей степенью общественной опасности по сравнению с действиями (бездействием) физического лица. При наличии признаков преступного деяния, совершенного юридическим лицом, в условиях режима верховенства закона невозможно придание преступлению статуса административного правонарушения.

Между тем законодатель, закрепляя тождественные диспозиции в КоАП РФ и УК РФ, с приоритетом нормам уголовного закона в отношении физического лица исходит исключительно из принципа виновной ответственности, преодолевая иные, не менее значимые, вступая в результате в противоречие с отправными началами конституционного правопорядка, включая принципы равенства перед законом и судом, справедливости.

Обсуждение и заключение

На данном этапе развития национального уголовного права с учетом геополитической обстановки существующие меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям, что приводит к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей.

Федеральный законодатель обязан обеспечить их приведение в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства, справедливости и гуманизма. Уголовное право должно функционировать в обществе, защищать его и обеспечивать соблюдение существующих норм и положений. Если уголовный закон подчеркивает индивидуальный аспект, который применим только к физическим лицам, то эта цель неэффективна. Поэтому нет причин выступать против криминализации незаконной деятельности организаций.

Так, еще ученые XX в. высказывались о возможности привлечения организации к уголовной ответственности при соблюдении определенных

условий: если действие (бездействие) совершено: с ведома юридического лица (его органа управления) или было им санкционировано; в пользу (в интересах) юридического лица (при умышленной преступной деятельности); субъектом, уполномоченным юридическим лицом [7].

В настоящее время размышления о вине юридического лица приводят к выводам о необходимости определения вины организации через вину должностного лица или нескольких должностных лиц [8]. Некоторые ученые уточняют, конкретизируя статус физического лица, наделенного управленческими функциями (организационно-распорядительными или административно-хозяйственными полномочиями), а также условием, что у юридического лица имелась реальная возможность соблюдать установленные законодательством Российской Федерации нормы и правила его деятельности [9].

Не отрицая того, что толкование вины в форме умысла или неосторожности применительно к юридическому лицу вызывает трудности, считаем, что закрепление в законе индивидуальных критериев их виновности не только позволит устранить существующие проблемы в рамках КоАП РФ, но и откроет путь для введения института уголовной ответственности юридических лиц, что потребует возложения на федерального законодателя обязанности по внесению в действующее правовое регулирование изменений путем подготовки проекта закона о введении уголовной ответственности юридических лиц с проработкой нормативных критериев установления вины юридических лиц, не исключая учета поведения лиц, уполномоченных действовать от имени и в интересах организации.

В заключение темы о вине как условии уголовной (квазиуголовной) ответственности юридического лица отметим, что и на уровне международного правового сообщества признано, что отсутствие субъективного элемента состава (наличия «психологической», «интеллектуальной» или «моральной» связи между противоправным деянием и лицом, которое считается совершившим его) не обязательно исключает уголовный характер правонарушения, соответственно, допускает при определенных условиях криминализировать объективный факт¹.

¹ Постановление ЕСПЧ от 29.10.2013 по делу «Варвара (Varvara) против Италии» (жалоба № 17475/09) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2014. № 2.

Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013). Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 года (Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ) // Российская газета. 2023. 2 марта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бытко С.Ю. О допустимости и пределах объективного вменения в уголовном праве // Современное право. Москва: Новый Индекс. 2009. № 7. С. 99 – 103.
2. Бавсун М.И. Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск. 2002. 22 с.
3. Лунеев В.В. Предпосылки объективного вменения и принцип виновной ответственности // Государство и право. 1992. № 9. С. 5 – 62.
4. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Саратов, 1997. С. 96.
5. Куракин А.В., Карпухин Д.В. Вина юридического лица в нарушениях в финансовой сфере: формально-юридический и правоприменительный ракурсы проблемы // Административное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 49 – 65.
6. Кисин В.Р., Хадисов Г.Х. Объективное вменение в законодательстве об административных правонарушениях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 11. С. 11 – 17.
7. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. Санкт-Петербург, 1998. 40 с.
8. Россинский Б.В. Размышления о вине юридического лица после нового прочтения работы В.Д. Сорокина «Комментарий избранных мест Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Административное право и процесс. 2014. № 3. С. 22 – 27.
9. Демин С.Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ставрополь, 2014. 24 с.

REFERENCES

1. Bytko S.YU. O dopustimosti i predelah ob"ektivnogo vmeneniya v ugovolnom prave // Sovremennoe pravo. Moskva: Novyj Indeks. 2009. № 7. S. 99 – 103.
2. Bavsun M.I. Celesoobraznost' v ugovolnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Omsk. 2002. 22 s.
3. Luneev V.V. Predposylki ob"ektivnogo vmeneniya i princip vinovnoj otvetstvennosti // Gosudarstvo i pravo. 1992. № 9. S. 5 – 62.
4. Galiakbarov R.R. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshchaya chast'. Saratov, 1997. S. 96.
5. Kurakin A.V., Karpuhin D.V. Vina yuridicheskogo lica v narusheniyah v finansovoj sfere: formal'no-yuridicheskij i pravoprimeritel'nyj rakursy problemy // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2017. № 10. S. 49 – 65.
6. Kisin V.R., Hadisov G.H. Ob"ektivnoe vmenenie v zakonodatel'stve ob administrativnyh pravonarusheniyah // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2020. № 11. S. 11 – 17.
7. Volzhenkin B.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic. Sankt-Peterburg, 1998. 40 s.
8. Rossinskij B.V. Razmyshleniya o vine yuridicheskogo lica posle novogo prochteniya raboty V.D. Sorokina «Kommentarij izbrannyh mest Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 3. S. 22 – 27.
9. Demin S.G. Predely ugovolnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic v Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Stavropol', 2014. 24 s.

Информация об авторе:

Панаева Ляйля Елюхановна, магистр права, аспирант Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), адвокат адвокатского бюро «Партнер по праву» Республики Татарстан, layla-56@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Panaeva Lyaylya Ye., Master of Law, Post-graduate student of the Department of Criminal and Penal Law, Criminology, South Ural State University (National Research University), Lawyer of the Law Firm “Partner in Law” of the Republic of Tatarstan, layla-56@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 28.04.2023.

Статья принята к публикации: 20.09.2023.

Статья опубликована онлайн: 29.09.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.